

*Ф.М. Достоевский.
Фото К. Шапиро. Петербург, 1879 г.*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ИЗУЧЕНИЯ

В двух томах

Под редакцией Т.А. Касаткиной

Том 1

Москва
ИМЛИ РАН
2026

Утверждено к печати Ученым Советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Главный редактор

Т.А. Касаткина, доктор филологических наук,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Ответственные секретари

Т.Г. Магарил-Ильяева, кандидат филологических наук,
К. Корбелла, кандидат филологических наук

Рецензенты

Е.Ю. Сафронова, доктор филологических наук,
профессор кафедры межкультурной коммуникации,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

И.С. Андрианова, кандидат филологических наук,
директор Международного центра изучения Достоевского,
Институт филологии Петрозаводского государственного университета

Р 69 Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. В 2 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2026. — Т. 1. — 752 с.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1> (т. 1)

<https://elibrary.ru/PPVTRY> (т. 1)

ISBN 978-5-9208-0826-4 (общий)

ISBN 978-5-9208-0827-1 (т. 1)

Предлагаемый читателю коллективный труд посвящен одному из самых знаменитых и читаемых во всем мире русских романов, входящему в учебные программы России и ряда других стран — «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского. Это четвертая книга научно-исследовательского проекта «Произведения Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения», реализуемого сотрудничеством ученых разных стран. Первая книга проекта была посвящена роману «Идиот» (М.: Наследие, 2001), вторая — роману «Братья Карамазовы» (М.: Наука, 2007), третья — роману «Подросток» (М.: ИМЛИ РАН, 2022). В настоящем труде исследуются способы создания Достоевским глубокого трансформирующего читателя текста, присутствие и функции библейского и литургического текста в романе, книги, читаемые и переводимые героями, их роль и функции в тексте Достоевского, богословие Достоевского и рецепция романа католическими богословами, психология и физиология как проекции онтологии, сны героев, базовые концепты романа, система значимых имен и символические детали-вещи, исторический фон и культурный контекст, образы Наполеона и Ньютона в романе и в сознании людей XIX века, система персонажей (или круг героев), поэтика взгляда, жеста, телодвижения, художественная рецепция романа (экранизации, театральные постановки, иллюстрации, фанфикшн) в XX и XXI веках, методологии исследования и способы преподавания романа, то, каким может быть музей писателя, и многое другое.

Для читателей, любящих и/или стремящихся понять Достоевского, а также для филологов, философов, культурологов, историков и богословов. В помощь преподавателям школ и вузов.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», преподавание, поэтика, герменевтика, богословие, текстология, художественная рецепция, цитата, реминисценция, концепты романа, система персонажей, исихазм, художественная деталь, проблема перевода, музей, Наполеон, Шиллер, Платон, Магомет, Данте, Ньютон, Бунин, Романо Гуардини, Диво Барсотти, Агриппа Неттесгеймский

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

DOSTOEVSKY'S NOVEL
CRIME AND PUNISHMENT:
CURRENT STATE OF RESEARCH

In 2 volumes

Edited by Tatiana A. Kasatkina

Volume 1

Moscow
IWL RAS
2026

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1>

Approved for publication by the Academic Council
of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Editor-in-Chief:

Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Executive Secretaries:

Tatiana G. Magaril-Il'iaeva, PhD in Philology,
Caterina Corbella, PhD in Philology

Reviewers:

Elena Yu. Safronova, DSc in Philology,
Professor of the Department of Intercultural Communication of St. Petersburg State University
of Architecture and Civil Engineering

Irina S. Andrianova, PhD in Philology, Director of the
International centre for research on Dostoevsky of the Institute of Philology
of Petrozavodsk State University

Kasatkina, T.A., editor

Dostoevsky's Novel Crime and Punishment: Current State of Research. Editor-in-Chief

T.A. Kasatkina. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2026. 752 p.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1> (vol. 1)

ISBN 978-5-9208-0826-4 (general)

ISBN 978-5-9208-0827-1 (vol. 1)

Abstract: The collective work we present to the reader is dedicated to one of the most famous Russian novels, read throughout the world and included in school curricula both in Russia and in many other countries: Fyodor Dostoevsky's *Crime and Punishment*. This volume represents the fourth book in the research project *Dostoevsky's Works: Current State of Research*, which brings together scholars from around the globe. The project's first volume was dedicated to the novel *The Idiot* (Moscow, Nasledie Publ., 2001), the second to the novel *The Brothers Karamazov* (Moscow, Nauka Publ., 2007), and the third to the novel *The Adolescent* (Moscow, IWL RAS Publ., 2022). This book analyses Dostoevsky's methods of creating profound, transformative texts, the presence and the function of Biblical quotes and liturgical references in the novel, books read or written by characters and their role and function in Dostoevsky's text, the writer's theological vision and the novel's reception among Catholic theologians, psychology and physiology as projections of ontology, characters' dreams, key concepts, the system of names and symbols, details-things, the historical background and cultural context of the work, the images of Napoleon and Newton in both the novel and 19th-century thought, the system of the characters (particularly the circle of protagonists), the poetics of gaze, gesture, and movement, the novel's artistic reception in the 20th and 21st centuries (screen adaptations, theatrical productions, illustrations, fanfiction), methodologies for researching and teaching the novel, what a writer's museum could be, and a lot more.

The book is meant for devoted readers of Dostoevsky and those seeking deeper understanding of his works, as well as philologists, philosophers, and theologians.

A resource for school and university teachers.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, teaching, poetics, hermeneutics, textual criticism, artistic reception, quotes, allusions, concepts of the novel, system of the characters, hesychasm, artistic detail, translation problems, museum, Napoleon, Schiller, Plato, Mohammed, Dante, Newton, Bunin, Romano Guardini, Divo Barsotti, Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim.

This is an open access book Distributed
under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Преступление и наказание»: новое видение. Предисловие (<i>Татьяна Касаткина</i>).	19
---	----

I том

Герменевтика, богословские смыслы романа

<i>Татьяна Касаткина</i> . «Преступление и наказание»: стратегии создания глубокого текста	27
Авторские стратегии создания глубокого текста в речи героев: прямой вопрос и образный ответ. Комплексы евангельских и литургических цитат	29
Глубокий текст как проявление недеklarированного автором контекста: исихазм как объяснительная структура романа, или о пьянстве и трезвении	46
«Я великая, великая грешница»: в каком грехе признается Соня. Богословие греха у Достоевского	59
Как и для чего формируется в романе «указующий перст» автора: о пяти евангельских цитатах в одном абзаце речи Мармеладова	74
<i>Ольга Меерсон</i> . Библейские подтексты у Достоевского как арбитры при толковании спорных мест.	101
<i>Катерина Корбелла</i> . «Преступление и наказание» в работах католических богословов Д. Барсотти и Р. Гуардини	116
<i>Татьяна Касаткина</i> . Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании»	135
<i>Татьяна Касаткина</i> . О дрожащей твари в «Преступлении и наказании»	152
<i>Татьяна Магарил-Ильева</i> . Идея нового и образ солнца в ранних текстах Ф.М. Достоевского и «Преступлении и наказании»	169
<i>Катерина Корбелла</i> . «Комедия» Данте в «Преступлении и наказании»	203
<i>Николай Подосокорский</i> . Ф.М. Достоевский и Иероним Босх: воз сена в романе «Преступление и наказание»	228

Исторический фон и культурный контекст

<i>Николай Подосокорский. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете наполеоновского мифа: законодатели человечества в теории Раскольникова, русское сектантство, ошибка героя, правитель-солнце, образ Петербурга . . . . .</i>	<i>263</i>
От Ликурга к Наполеону: великие законодатели и установители человечества	269
Историко-культурное сращение «Наполеон-Магомет»	284
Ньютон в свете наполеоновской идеи Раскольникова	307
Мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона .	316
«Истратить 100 000 при Маренго» и «переход через Монблан»: ошибки героя	339
Наполеон-Солнце	348
Наполеон и вошь	379
Символическое значение фамилий персонажей: студент Покорев и генерал Кобелев	389
«Наполеоновский» Петербург	396
<i>Александр Криницин. Шиллеровские мотивы в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского . . . . .</i>	<i>462</i>
<i>Александр Криницин. Социально-философское осмысление темы справедливости в диалоге «Государство» Платона и в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского . . . . .</i>	<i>488</i>
<i>Татьяна Ковалевская. «Преступление и наказание» и британская готика ужасов . . . . .</i>	<i>504</i>
<i>Татьяна Касаткина. Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании» . . . . .</i>	<i>527</i>
<i>Ольга Деханова. Книга в книге: «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса в романе «Преступление и наказание» . . . . .</i>	<i>558</i>
<i>Ольга Деханова. Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года . . . . .</i>	<i>572</i>
<i>Ольга Деханова. Отражение ольфакторной культуры XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» . . . . .</i>	<i>589</i>
<i>Ольга Богданова. Русская усадьба в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» . . . . .</i>	<i>607</i>
<i>Валентина Ветловская. Прототипы героев Достоевского: Пристав следственных дел Порфирий Петрович, и не только . . . . .</i>	<i>626</i>

Герои

- Борис Тихомиров.* «Я поконченный человек, больше ничего
а вы другая статья: вам Бог жизнь приготовил»
(Порфирий Петрович и Раскольников. Третья встреча) 661
- Нина Ищенко.* Порфирий Петрович как Сократ
в сюжете «Преступления и наказания». 673
- Татьяна Касаткина.* «Жирный» и «полный»
в «Преступлении и наказании». К апологии Порфирия Петровича 682
- Людмила Сараскина.* Влюбленный Разумихин: чуждая судьба
героя второго плана. Рассуждение в жанре апологии 697
- Ольга Юрьева.* «Особый шарм» Аркадия Ивановича Свидригайлова . . . 721
- Татьяна Касаткина.* Последний путь и посмертная
судьба Свидригайлова. 734

II том

Онтология и психология

- Владимир Викторович* «Преступление и наказание» как роман сознания . 21
- Кэррол Аполлоньо.* О чертах и дверях: онтологическая проблема
Раскольниковца (пер. с англ. *Татьяны Касаткиной*) 33
- Дебора А. Мартинсен.* Тоска в «Преступлении и наказании»
(пер. с англ. *Татьяны Касаткиной*) 50
- Геннадий Карпенко.* «Так нас природа сотворила»: преступление без
наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин) 60
- Статья первая 63
- Статья вторая. «При рождении, что ль, знаки такие есть?» 83
- Винченцо Риццо.* Дрожь/трепетать перед Судьбой
(пер. с итальянского *К. Корбеллы*). 116
- Татьяна Боборыкина.* «Преступление и наказание»:
хореография текста и текст хореографии 126
- Елена Степанян.* О проблеме «телесного сопереживания» читателя
героям «Преступления и наказания» 150
- Николай Капустин.* Поэтика и семантика взгляда героя
в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». 161

Поэтика

- Борис Тихомиров.* «Вот у вас ползет клоп» (Из наблюдений
над «энтомологией Достоевского») 175

<i>Юлия Юхнович.</i> Образ открытых дверей в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	193
<i>Ясмينا Войводиц.</i> Смена одежды в романе «Преступление и наказание» .	201

Проблемы перевода. Что скрывает и что помогает открыть перевод в оригинальном тексте

<i>Татьяна Боборыкина.</i> Слов божественная высь (О двух словах в переводах романа «Преступление и наказание»)	217
---	-----

Текстология, черновики, тематические обзоры

<i>Наталья Тарасова.</i> Творческие дневники Достоевского: текстологические, поэтологические, интертекстуальные аспекты исследования романа «Преступление и наказание»	233
--	-----

Интермедиаальная рецепция в XX–XXI веке

<i>Людмила Сараскина.</i> «Преступление и наказание» в зарубежных киноверсиях: трансформации хронотопа	303
<i>Эниса Успенская.</i> Актуализация эпилога романа «Преступление и наказание» в кинематографических трансформациях	331
<i>Николай Подсокорский.</i> Образ Наполеона в экранизациях романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: версии Д. фон Штернберга, Ж. Лампена, Д. Сарджента, В.В. Мирзоева . .	357
<i>Ольга Кочеткова.</i> «Метафизическое кино» П. Думалы и роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: о работе с мультипликационными фильмами на уроках литературы . . .	374
<i>Людмила Сараскина.</i> Лев Мышкин и Соня Мармеладова в мире после апокалипсиса. Фантазии Вячеслава Бутусова о Достоевском	388
<i>Эниса Успенская.</i> «Преступление и наказание» в сербском театре первой половины XX века	407
<i>Татьяна Магарил-Ильяева.</i> И начали веселиться. Спектакль «Преступление и наказание» театра «СОбытие»	427
<i>Светлана Капустина.</i> Варианты продолжения романа «Преступление и наказание» в русскоязычном сегменте фанфикшн.	445
<i>Ольга Крюкова, Мария Раренко.</i> Манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание»: закономерности и парадоксы интермедиаальности	461
<i>Елена Степанян.</i> О неуловимости символа. К вопросу об иллюстрировании «Преступления и наказания»	471
<i>Валентина Борисова.</i> Иллюстрации М. Шемякина к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в восприятии современных студентов	482

Практика преподавания

<i>Павел Фокин. Войти в роман. «Преступление и наказание» в экспозиции «Московского дома Достоевского» и формы работы с ней в процессе изучения романа в школе . . . . .</i>	<i>497</i>
<i>Татьяна Касаткина. Не иллюстрация к тексту, а источник и основа образа: другой музей, или как показать в экспозиции и на уроке произведения Достоевского не через образы, созданные иллюстраторами и режиссерами, а через образы, на которые смотрел (и которые воспроизводил в своем творчестве) сам писатель. . . . .</i>	<i>530</i>
<i>Ольга Меерсон. Преподавание теории литературы через шок от непонятого в тексте. «Преступление и наказание» . . . . .</i>	<i>578</i>
<i>Ольга Юрьева. Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. . . . .</i>	<i>593</i>
<i>Часть 1. Преступление . . . . .</i>	<i>595</i>
<i>Часть 2. Наказание . . . . .</i>	<i>615</i>
<i>Татьяна Касаткина. Обзор II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”»: современное состояние изучения» (Москва, 28 февраля – 2 марта 2023 года) . . . . .</i>	<i>653</i>
<i>Татьяна Касаткина. Обзор III Международной научной онлайн-конференции «Преступление и наказание»: современное состояние изучения, 28, 29 февраля – 1 марта 2024 год. . . . .</i>	<i>709</i>
<i>Татьяна Касаткина. Преподавание романа «Преступление и наказание» в школе и вузе. Круглый стол 1 марта 2024 . . . . .</i>	<i>750</i>

© 2026. *Нина Ищенко*

Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания»¹

Информация об авторе: Нина Сергеевна Ищенко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики, Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, кв-л. Аграрный, д. 1, Артемовский район, 91008 г. Луганск, ЛНР.

<https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

E-mail: ninaofter@yandex.ru

Аннотация: Важная роль диалогизма в творчестве Достоевского позволяет привлечь для анализа персонажей философию Платона, другого признанного мастера философского диалога. В XX веке активно развивается драматическая парадигма изучения платоновской философии, в рамках которой особое внимание уделяется персонажам диалогов, времени, месту и обстоятельствам их проведения, что позволяет лучше понять глубину платоновской мысли. Тот же подход для прочтения текста поведения персонажей «Преступления и наказания» используется в статье. В исследовании в рамках драматической парадигмы анализируются два основных персонажа романа — Раскольников и Порфирий Петрович. Показано, что их образы и взаимодействие строятся согласно основному платоновскому сюжету, то есть как беседа мудреца Сократа с молодым честолюбцем, заставляющая его отказаться от своих планов. Такой сюжет разрабатывается в нескольких диалогах Платона, и особенно ярко выражается в судьбе Алкивиада, знаменитого ученика Сократа. Алкивиад — известный в античной истории герой наполеоновского типа, легко переступающий через кровь ради своих целей. О таких людях пишет Раскольников в своей статье, привлекая внимание Порфирия Петровича. Также Раскольников замечает, что подобные люди часто гибнут в столкновении с обществом, что и случилось с Алкивиадом. Эти черты позволяют представить самого Раскольникова как Алкивиادا в сюжете романа. В ходе трех диалогов с Порфирием Петровичем Раскольников меняет свои взгляды, отказывается от своих притязаний и подчиняется закону. Таким же образом вел себя и Алкивиад после бесед с Сократом. Помимо этого основного драматического момента, Порфирий Петрович имеет ряд общих черт с Сократом: это его внешность, оборотничество и стремление к познанию человеческой души. Таким образом, Порфирий Петрович по образу, идеям и функциям выступает как Сократ этого сюжета, добивающийся перерождения молодого честолюбца с большим успехом, чем его античный двойник.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Платон, Алкивиад, Сократ, философия, текст поведения, драматическая парадигма, диалогичность.

¹ Предварительная публикация: [Ищенко, 2023].

Для цитирования: *Ищенко Н.С.* Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания» // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2026. Т. 1. С. 673–681. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1-673-681>

© 2026. *Nina S. Ishchenko*
Porfiry Petrovich as Socrates
in the Plot of *Crime and Punishment*

Information about the author: Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Pedagogy, Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshilov, The Agrarian quarter, 1, Artemovskiy district, 91008 Lugansk, LPR.

<https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>

E-mail: ninaofter@yandex.ru

Abstract: The important role of dialogism in Dostoevsky's work makes it possible to turn to the philosophy of Plato, another recognized master of philosophical dialogue, for the analysis of his characters. In the twentieth century, the dramatic paradigm of the study of Platonic philosophy is actively developing, and special attention is paid to the characters involved, time, place, and circumstances of the dialogues, as a possibility to better understand the depth of Plato's thought. The same approach is used in the article to read the behavior of the characters in *Crime and Punishment*. In this piece of research, two characters of the novel are analyzed within the framework of the dramatic paradigm: Raskolnikov and Porfiry Petrovich. It is shown that their images and interaction are built according to the main Platonic plot, that is, the conversation between the sage Socrates and a young ambitious man that is forced by him to abandon his plans. A similar plot is developed in several dialogues of Plato and is especially pronounced in the fate of Alcibiades, the famous disciple of Socrates. Alcibiades is the well-known "Napoleonic" hero in ancient history, easily stepping over blood for the sake of his goals. Raskolnikov writes about such people in the article that attracted the attention of Porfiry Petrovich. Raskolnikov also notes that such people often die in a collision with society, which happened to Alcibiades. These elements allow us to consider Raskolnikov himself as Alcibiades in the plot of the novel. During three dialogues with Porfiry Petrovich, Raskolnikov changes his views, renounces his claims, and obeys the law. Alcibiades behaved in the same way after his conversations with Socrates. In addition to this main dramatic moment, Porfiry Petrovich has several common features with Socrates, such as his appearance, metamorphism, and the desire to know the human soul. Thus, in terms of image, ideas, and functions, Porfiry Petrovich acts as the Socrates of the plot, seeking the rebirth of a young ambitious man with greater success than his ancient counterpart.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Plato, Alcibiades, Socrates, philosophy, text of behavior, dramatic paradigm, dialogicity.

For citation: Ishchenko, N.S. "Porfiry Petrovich as Socrates in the Plot of *Crime and Punishment*." *Dostoevsky's Novel Crime and Punishment: Current State of Research: in 2 vols.*, vol. 1. Ed.-in-Chief T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 673–681. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0827-1-673-681>

Произведения русской классической литературы часто касаются философских вопросов, предлагая их решение как в идейной, так и в драматической форме. Достоевский в своих романах много занимается мировоззренческими смысложизненными вопросами, и анализ философских аспектов его творчества всегда оказывается продуктивен. Достоевский выстраивает драматургию сюжета так, чтобы не просто свести носителей разных точек зрения

в диалоге, но и в действиях персонажей показать столкновение философских идей. Осмысление романа «Преступление и наказание» с позиций платоновской философии представляется особенно актуальным.

Анализ персонажей романа «Преступление и наказание» проводился неоднократно. Важнейшими аспектами анализа являются два направления — установление реальных прототипов героев и функция персонажа в развитии сюжета. По отношению к героям данной статьи нужно отметить в первую очередь В.Е. Ветловскую, обратившую внимание на И.Д. Путилина, начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции с момента ее основания в 1866 году, послужившего образцом для создания образа Порфирия Петровича [Ветловская, 2022]². Принцип двойничества в развитии сюжета романа анализирует Х.П. Манолакев [Манолакев, 2021]. В то же время интертекстуальный анализ найденных особенностей персонажей с привлечением платоновской философии системно не проводился, и в восполнении этого пробела заключается актуальность данного исследования.

Для исследования воспользуемся принципами семиотической персонологии, разработанной в тартусской научной школе. В статье А.М. Пятигорского и Б.А. Успенского о семиотических аспектах персонологической классификации особое значение придается проблеме узнавания, распознавания персонологического типа по тексту, в том числе тексту поведения. Исследователи полагают, что критерии для соотнесения конкретного человека с персонологическим типом должен устанавливать не этот человек и не тот, кто с ним взаимодействует, пытаясь прочесть текст его поведения, а кто-то третий. Это значит, что семиотические нормы заданы заранее и только реализуются в конкретной ситуации [Пятигорский, 1967].

Применим этот подход для анализа двух центральных персонажей романа «Преступление и наказание», Раскольникова и Порфирия Петровича. В ходе своих диалогов и встреч герои стремятся разгадать друг друга, а взаимодействующий с текстом читатель оказывается должен прочесть текст поведения, опираясь на имеющиеся критерии отделения семиотически нагруженных и семиотически пустых признаков и действий персонажей. Покажем, что Ф.М. Достоевский предлагает в качестве таких критериев философию Платона, причем в ее наиболее современном драматическом прочтении, актуализированном в XX веке, когда взаимодействие персонажей диалогов признается столь же важным для понимания философии мыслителя, как и речи этих героев [Прокопенко, 2013]. Применение драматического прочтения философии Платона к взаимодействию Раскольникова и Порфирия Петровича дает интересные результаты, к которым мы сейчас и перейдем.

Центральное место в романах Достоевского занимает диалог. Эту мысль М.М. Бахтин кладет в основу своей работы о Достоевском [Бахтин, 2017]. По-

---

² См. также эту статью в настоящем издании.

мимо полифонического оформления системы голосов в романе, включенности разных персонажей в изложение событий, отказа от роли единого автора, знающего всё происходящее, Достоевский является мастером философского диалога как такового: основные философские и богословские идеи персонажи обсуждают между собой, ищут истину в беседе.

Такое место диалога в творчестве писателя заставляет читателя постоянно вспоминать о творчестве Платона, поднявшего жанр философского диалога на небывалую высоту. Специалисты знают, что Платон был не первым и не единственным философом, использовавшим диалог для выражения своих идей, но для широкой читающей публики именно Платон является признанным корифеем жанра, и отсылки к Платону в этой ситуации ожидаемы и естественны для читающей публики. Рассмотрим в таком контексте главных героев «Преступления и наказания» — Раскольникова и Порфирия Петровича.

Именно эти два персонажа ведут в романе диалоги, имеющие философский смысл. Они встречаются три раза, каждая встреча превращается в напряженный диалог, затрагивающий не только текущие вопросы обсуждения уголовного дела, но также философские и богословские аспекты преступления как такового. Перед нами поиск смысла, явленного в конкретных поступках, то есть то, чем занимался Сократ в диалогах Платона, обсуждая вопросы справедливости, лучшего государственного устройства и блага для человека. Весь этот круг тем так или иначе затронут в романе. Однако и помимо тематики диалогов драматическая составляющая романа вводит беседующих в самое сердце платоновского мира. Два главных действующих лица романа прямо отсылают к Алкивиаду и Сократу в диалогах Платона. Для обоснования этой мысли рассмотрим основную идею Раскольникова, определившую его философские взгляды и его поступки.

Теория Раскольникова, изложенная в его статье, внимательно прочитанной Порфирием Петровичем, говорит о двух типах людей: обычных, не выходящих за рамки общепринятых условностей, и выдающихся личностей, имеющих право переступить через мораль и проливать кровь. Среди людей этого второго типа Раскольников называет Ликурга, Магомета и конечно же Наполеона. По крайней мере двое из троих названных государственных деятелей — полководцы, кровью и железом изменившие жизнь своих народов. Как отмечает Б.Н. Тихомиров, Раскольников выстраивает линию всемирной истории, из которой исключены христианские государственные деятели и законодатели [Тихомиров, 2005, с. 290]. Однако в платоновском корпусе сочинений титанической личностью, ломающей все моральные и религиозные законы, был именно Алкивиад, ученик Сократа. Талантливый полководец, аристократ, красавец, стремящийся к власти любой ценой, переходивший на сторону врага и отважно боровшийся с политическими противниками, вовлекая в свою борьбу народы и царства, Алкивиад является именно такой личностью наполеоновского типа, для которой пролитие крови никогда не представлялось препятствием.

Кроме того, Раскольников придерживается того взгляда на происхождение государства, о котором говорит еще один платоновский персонаж алкивиадовского типа, Калликл. В диалоге «Горгий» Калликл доказывает, что государство, законы и моральные нормы созданы слабыми, которые боятся выдающихся людей и хотят обуздать их своей совокупной силой, явленной в создании общества [Платон, 2006]. Эту идею позднее развивал Ницше. Интересно, что она диаметрально противоположна марксистской теории государства, набравшей популярность в российском обществе в эпоху Достоевского, о том, что государство — репрессивный аппарат, созданный буржуазией для подавления пролетариата, то есть сильными против слабых. И Калликл, и Алкивиад чувствуют, что государство их ограничивает ради массы не столь талантливых людей, заставляет их отказаться от своих честолюбивых замыслов. Как пишет Раскольников в статье, чаще всего масса в конце концов убивает таких сильных людей, что и случилось с Алкивиадом. Это еще одна нить, связывающая Раскольникова со знаменитым учеником Сократа.

Раскольников идет на убийство, чтобы проверить, принадлежит ли он сам к таким сильным личностям, ломающим моральные границы, проверить, Наполеон ли он. Входя в круг платоновских ассоциаций, следует сказать, что Раскольников хочет примерить на себя роль Алкивиада, то есть типологически занимает место Алкивиада в сюжете.

В результате диалогов с Порфирием Петровичем Раскольников отказывается от своей идеи, раскаивается и подчиняется закону. Хотя сюжет Достоевского глубже и имеет несколько планов, но формально допустимо пересказать его и в такой форме. В таком случае перед нами тот результат диалогов с Сократом, на который не раз обращает внимание Платон: после беседы с босоногим мудрецом собеседник растерян, сбит с толку, понимает, что он ничего не знает и вынужден отказаться от своих прежних взглядов, которые он совсем недавно так уверенно защищал. То же самое происходило и с Алкивиадом. Еще в античности стало общим местом, что пока Алкивиад общался с Сократом, он забывал о своих честолюбивых замыслах и подчинял свою натуру справедливости и закону. Аналогично и Раскольников после бесед с Порфирием Петровичем подчиняется закону и отказывается от своих идей. Эта роль Алкивиада, которую играет Раскольников, заставляет искать сократические черты и в его собеседнике. Для этого рассмотрим внешность и манеру действия Порфирия Петровича, как его показывает Достоевский.

Внешность Порфирия Петровича при первом его появлении в тексте, когда Раскольников и Разумихин приходят к нему домой, описывается следующим образом:

«Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях. Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то осо-

бенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 191].

В этом описании обращает на себя внимание низенький рост, брюшко, акцент на глаза, курносый нос. Все эти черты отмечают уже древние авторы в облике Сократа. Как резюмирует античные описания Р. Светлов, «мы видим невысокого человека, грузного, с вполне заметным животом. Хотя, как нам свидетельствует об этом Ксенофонт, каждое утро Сократ совершал “плясовую” зарядку, дабы хоть немножко уменьшить свой живот, он, очевидно, никогда не стремился обрести стать Аполлона. При этом Сократ не “такой же как все”, его облик будет выделяться и в толпе. Учитель Платона ходил то ли на силена Марсия, то ли на ската, то ли на что-то ракообразное. Вот несколько “самопрезентаций” Сократа из Ксенофонтова Пира: его глаза видят не только вперед, но и “вкось, так как они навывкате”, и потому похожи на рачьи, зато могут видеть больше, чем глаза других людей. У него “не мешающий зрению” приплюснутый нос, а его ноздри “раскрыты вверх, вынюхивая запах со всех сторон”» [Светлов, 2015, с. 170].

Итак, по внешности Порфирий Петрович — типичный Сократ, как его представляют читатели диалогов Платона и Ксенофонта, не погруженные глубоко в проблемы иконографии античных философов. Внешность не является случайной, что подтверждается идеями Порфирия Петровича.

Накануне последней, решающей встречи с Раскольниковым Порфирий и Родион Романович обмениваются знаменательными репликами, где дважды повторяется одно и то же выражение, занимающее центральное место в философии Сократа:

«— Ничего-с, ничего-с... — почти радостно подхватил Порфирий. — Я и сам-то-с... Ядовитый характер у меня, каюсь, каюсь! Да вот мы увидимся-с. Если Бог приведет, так и очень, и очень увидимся-с!..

— И окончательно познаем друг друга? — подхватил Раскольников.

— И окончательно познаем друг друга, — поддакнул Порфирий Петрович и, прищурившись, весьма серьезно посмотрел на него» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 272].

Познание самого себя — важнейший императив деятельности Сократа. В диалогах Платона Сократ неоднократно обращается к этой теме. Рассуждения на тему «Познай самого себя» можно найти в диалогах «Хармид», «Алкивиад I», «Протагор», «Федр», «Филеб», «Законы» и других. Именно к познанию себя Сократ постоянно подталкивает своих собеседников, на эту

цель направлена вся сократовская эленктика, то есть очищение разума от ложных мнений, и его апории, показывающие противоречивость некритично принятых идей [Протопопова, 2019].

Познание себя означает познание человека, самой человеческой сущности. В диалоге человек может познать себя, познавая собеседника, соотнося свои взгляды с его идеями, и соответственно переосмысливая свои основания. Познание друг друга — указание на диалогическую природу самопознания, которая даже в случае внутренней речи разворачивается как диалог с внутренним собеседником, что первым отметил именно Сократ. В диалогах Платона место этого внутреннего собеседника занимает Сократ. Появление темы познания человека накануне решающего диалога двух главных персонажей не является случайным. Читатель, знакомый с творчеством Платона, узнает его главную идею и может предвидеть, что произойдет далее.

Как же Порфирий Петрович ведет диалог, что он делает в беседе? Во всех трех диалогах Порфирий предстает разным, он то добродушен и простоват, то страшен и непонятен. Сначала это добрый родственник Разумихина, лучшего друга Раскольникова, к которому друзья зашли домой, чтобы не тащиться в полицейскую контору по пустяковому делу. Довольно скоро Раскольников понимает, что Порфирий — опытный следователь, опасный враг, многое знающий, многое скрывающий, прячущий свои мысли и играющий с собеседником.

В этом аспекте можно оценить и интересное замечание В.Е. Ветловской о том, что Порфирий, как его прототип Путилин, а также современник и литературный коллега Шерлок Холмс, использовал в своей практике переодевания и умел перевоплощаться. В.Е. Ветловская обосновывает идею о том, что мещанишка, сидевший у Порфирия в закрытом кабинете и обвинивший Раскольников в убийстве — это сам Порфирий. И действительно, Порфирий и мещанишка ни разу не оказываются перед Раскольниковым (и перед читателем) одновременно, а поскольку Порфирий сам говорит, что не в своем лице давно следит за Раскольниковым, это очень подходящая кандидатура среди персонажей романа [Ветловская, 2020].

Итак, постоянные переходы от добродушия к завуалированной угрозе, а также переодевания и маскировка показывают два лица Порфирия, заставляют вспомнить тему оборотничества, обратить внимание на Сократа-силена.

В своих исследованиях «Пира» И.А. Протопопова подробно анализирует метафору силена в «Пире». Силен — это воспитатель Диониса, дородный, веселый, вечно пьяный. Но Алкивиад сравнивает Сократа не столько с ним, сколько с полыми фигурками силенов. «Эти фигурки похожи на наши матрешки, но разница в том, что в них “внешнее” и “внутреннее” оказываются полными противоположностями: снаружи “безобразное”, а внутри — “прекрасное”. Алкивиад противопоставляет не только силенообразную внешность Сократа и его внутренние “сокровища”, но и речи Сократа; они, говорит Алкивиад, таковы же, как он сам: снаружи похожи на “шкуру губриста сатира”,

а внутри в них присутствуют “изваяния богов”. Автор приходит к выводу, что с помощью метафоры силена Платон удивляет читателя игрой противоположностей, что позволяет читателю подняться с уровня логических противоречий на новый уровень осмысления» [Протопопова, 2015, с. 419].

Таким же образом двоится и Порфирий Петрович. Добродушный знакомый и беспощадный следователь, он доводит Раскольникова до срыва и добывает от него признания, но сразу же после этого делает всё, чтобы помочь подследственному. Только благодаря показаниям Порфирия, представившего все так, словно у него не было улик против подследственного и явка с повинной вызвана искренним раскаянием, Раскольников получил всего восемь лет за два убийства. Между тем улики у Порфирия были, хотя Достоевский об этом и не говорит прямо.

Как показывает В.Е. Ветловская в своем исследовании, Достоевский обычно не проговаривает прямо то, о чем читатель легко может догадаться. Порфирий говорит Раскольникову, что делал обыск в его комнате, когда Родион лежал в бреду, и что-то нашел. Это замечание не получает дальнейшего развития. Проверив свою комнату, Раскольников находит в камине и в кровати обрывки своих вещей, измазанных кровью. Он помнит, как хотел их сжечь или спрятать, но не помнит, чтобы делал это, причем автор также не показывает читателю, чтобы Раскольников делал это. Вещи лежат в пустом камине нетронутые, и Раскольников успокаивается и делает вывод, что их никто не видел. Но мог ли Порфирий это упустить? Порфирий уже при первой встрече знал, что Раскольников — убийца, поскольку имел точные доказательства. Психологическое давление, которого не вынес Раскольников, имело целью как получить признание, необходимое в работе следователя, так и пробудить совесть убийцы, дать ему возможность найти свою веру и начать всё сначала (см.: [Ветловская, 2020]).

Каким бы ни был Порфирий во взаимодействии с Раскольниковым, добрым или злым, сатиром или мудрецом, его стратегия оказалась оправдана. Оборотничество Порфирия, его двойственность погружают Раскольникова в апории, очищают его душу и приводят к внутреннему перерождению, заставляют полностью измениться. Можно утверждать, что как в своих методах, так и в своих целях Порфирий повторяет Сократа.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе «Преступление и наказание» разрабатывается базовый сюжет платоновского мифа о Сократе: диалог мудреца-силена с честолюбцем, приводящий к духовному перерождению младшего из собеседников. Роль честолюбца в этом сюжете исполняет Раскольников, в роли Сократа выступает Порфирий Петрович. Порфирий Петрович внешне похож на Сократа, известного читателям диалогов Платона: низенький, с брюшком, курносый, с необычным взглядом. Порфирий организовывает диалоги с Раскольниковым так, чтобы тот пришел в замешательство, понял несостоятельность своих идей. Апорийность, парадоксальность

образов Порфирия, его идей и его поведения ведут собеседника к познанию самого себя и к выбору правильного пути в последующей жизни.

Список литературы

- Бахтин, 2017 — *Бахтин М.М.* Избранное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. Т. 2: Поэтика Достоевского / сост. Н.К. Бонецкая. 512 с.
- Ветловская, 2020 — *Ветловская В.Е.* Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского? // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 239–259. DOI 10.15393/j9.art.2020.7262.
- Ветловская, 2022 — *Ветловская В.Е.* Прототипы героев Достоевского: пристав следственных дел Порфирий Петрович и не только // Словесность и история. 2022. № 4. С. 68–102. DOI 10.31860/2712-7591-2022-68-102.
- Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Ищенко, 2023 — *Ищенко Н.С.* Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 45–56. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-45-56>
- Манолакев, 2021 — *Манолакев Х.П.* Порфирий Петрович и Раскольников: герменевтика двойничества // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 50–62. DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-04.
- Платон, 2006 — *Платон. Горгий* // *Платон. Сочинения*: в 4 т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. С. 261–374.
- Прокопенко, 2013 — *Прокопенко В.В.* Нарратологический поворот и становление драматической парадигмы в платоноведении // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 3. С. 28–33.
- Протопопова, 2015 — *Протопопова И.А.* Платоновский «Пир» как силен и андрогин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 4. С. 418–423.
- Протопопова, 2019 — *Протопопова И.А.* Сократ как «сущность» и «метод»: эленхос и апория // Платоновские исследования. 2019. Т. 11, № 2. С. 83–98. DOI 10.25985/PI.10.2.04.
- Пятигорский, 1967 — *Пятигорский А.М., Успенский Б.А.* Персонологическая классификация как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. III. С. 7–29.
- Светлов, 2015 — *Светлов Р.В.* Сократ в пространстве античного воображения // СХОАН. 2015. Т. 9, № 1. С. 169–184.
- Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.